

Петр Алексеевич Кропоткин

Политические права

Эта статья, впервые увидевшая свет на рубеже 70—80-х годов XIX века и вошедшая в сборник статей «Речи бунтовщика» (см. выше), была значительно переработана П. Кропоткиным в 1917 году применительно к реалиям российской истории. Именно поэтому целесообразно опубликовать ее и в другой, «русской» редакции.

Петр Кропоткин

Политические права

Буржуазная пресса ежедневно твердит нам на все лады о значении политической свободы и «политических прав человека»: всеобщей подачи голосов, свободы выборов, свободы печати, союзов, собраний и т. д. и т. д.

«Зачем восставать, зачем прибегать к оружию, — говорит она, — когда у вас есть все эти права, а следовательно, и возможность произвести все необходимые реформы!» Оценим же эти пресловутые политические права с нашей точки зрения, т. е. с точки зрения того класса, который ничего не имеет, никем не управляет и у кого очень мало прав и слишком много обязанностей.

Мы не скажем, как это говорилось раньше, что политические права не имеют в наших глазах никакой цены. Мы прекрасно знаем, что со времен крепостного права и даже с прошлого века в этом отношении кое-что сделано. Французский рабочий уже не то существо, лишенное всяких человеческих прав,

каким он был раньше, когда аристократия смотрела на него как на рабочую скотину; вне своей мастерской он считает себя равным всем остальным гражданам. Французского крестьянина нельзя сечь на улицах, как ал о делается еще в России. Бурными революциями и пролитой кровью народ завоевал себе некоторые личные права, умалять значение которых мы не хотим.

Но есть права и права, и надо уметь их различать; некоторые из них имеют реальное значение, другие же лишены его; кто смешивает, только обманывает народ. Есть права, как, например, равенство перед законом аристократа и крестьянина, телесная неприкосновенность каждого гражданина и т. п., которые достались народу после упорной борьбы и настолько дороги ему, что малейшая попытка нарушить их вызовет восстание. И есть такие права, как всеобщая подача голосов, свобода печати и т. п., к которым народ был всегда равнодушен, так как он чувствует, что эти права, защищая буржуазию от самовластия правительства и аристократии, служат орудием в руках господствующих клас-

сов для порабощения народа. Их даже нельзя назвать политическими правами, так как они не охраняют интересов народа; это только наш политический язык — жаргон, выработанный правящими классами исключительно для своих нужд, — величает их этим громким именем.

В самом деле, что такое политическое право, как не оружие для защиты независимости и свободы тех, которые сами не могут внушить уважения к этим своим правам? Каково его назначение, если оно не может дать свободы всем тем, которые должны ею обладать? Люди, подобные Гамбетта, Бисмарку и Гладстону, не нуждаются ни в свободе печати, ни в свободе собраний; они и так пишут все, что хотят, устраивают какие угодно собрания, исповедуют те учения, которые им больше по вкусу; они и так свободны. А если кому-нибудь и нужно дать эту свободу слова, печати и собраний, то только тем, которые сами не могут обеспечить себе этих прав и проводить в жизнь свои идеи, свои принципы. Таково происхождение всех политических прав.

Но в наше время даются ли эти права тем,

кто в них нуждается?

Конечно, нет. Всеобщее избирательное право может до некоторой степени оградить буржуазию от злоупотреблений центральной власти, не заставляя ее прибегать к оружию. Оно может служить для умиротворения соперников, оспаривающих друг у друга власть, и удержать их от кровопролития. Но это право бессильно там, где надо низвергнуть или ограничить власть и уничтожить господство привилегированных. Прекрасное орудие для мирного разрешения недоразумений между правителями, какую оно может принести пользу подданным?

История отвечает нам на этот вопрос. Пока буржуазия думала, что всеобщая подача голосов будет в руках народа оружием для борьбы с привилегированными классами, она всеми силами противилась ей. Когда же в 1848 году она поняла, что это право не только не грозит ее привилегиям, но даже не мешает ей властвовать над народом, она сразу ухватилась за него. Теперь буржуазия стала его яркой защитницей, так как она знает, что это лучшее средство, чтобы удержать в своих руках гос-

подство над массаами.

То же самое относительно свободы печати. — Какой довод был самым убедительным в глазах буржуазии в пользу свободы печати? — Ее бессилие! Ее несостоятельность! «Когда-то, — говорит Жирарден, — сжигали колдунов, потому что имели глупость считать их всемогущими; теперь делают ту же глупость относительно печати. Но печать так же бессильна, как средневековые колдуны. И потому — долой преследования печати!» Вот что говорил когда-то Жирарден. А какой аргумент выставляет теперь буржуазия и защиту свободы печати? — «Посмотрите, — говорит она, — на Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты. Там полная свобода печати, а между тем нигде так не развита эксплуатация, нигде так властно не царит капитал. Пусть нарождаются вредные течения. Мы всегда сумеем заглушить голос их органов, не прибегая даже к насилию. А если когда-нибудь, в момент возбуждения, революционная пресса и станет опасной, мы всегда успеем уничтожить ее под каким бы то ни было предлогом».

Насчет свободы собраний те же рассужде-

ния.

«Дадим полную свободу собраний, — говорит буржуазия, — народ не смеет коснуться наших привилегий. Мы должны больше всего бояться тайных обществ, а публичные собрания лучшее средство, чтобы положить им конец. Если же в момент сильного возбуждения публичные собрания и стали бы опасными, мы всегда можем их воспретить, как как в наших руках правительственная власть».

«Неприкосновенность жилищ? — Пожалуйста! Записывайте ее в кодексы, прокричите повсюду! — говорят хитрые буржуа. — Мы не имеем ни малейшего желания, чтобы агенты полиции тревожили нас у семейного очага. Но мы учредим тайную канцелярию, мы заселим страну агентами тайной полиции, мы составим списки неблагонадежных и будем зорко следить за ними. Когда же мы почувем, что опасность близка, плюнем на неприкосновенность, будем арестовывать людей в постелях, допрашивать их, обыскивать жилища. Не будем останавливаться ни перед чем и тех, кто посмеет слишком громко заявлять свои требования, упрячем в тюрьмы. Если же

нас будут обвинять, скажем: «Что же делать, господа! На войне как на войне!»

«Неприкосновенность корреспонденции? — Говорите всем, пишите, что корреспонденция неприкосновенна. Если начальник почтового отделения в глухой деревне из любопытства распечатает какое-нибудь письмо, лишите его тотчас же должности, кричите во всеуслышание: «Чудовище! Преступник!» Остерегайтесь, чтобы те мелочи, которые мы сообщаем друг другу в письмах, не были разглашены. Но если вы нападете на след предумышленного заговора против наших привилегий — тогда нечего стесняться: будем вскрывать все письма, учредим целый штат специальных чиновников, а протестующим скажем, как это сделал недавно при аплодисментах всего парламента один английский министр:

«Да, господа, с глубоким отвращением вскрываем мы письма, но что же делать, ведь отечество (вернее, аристократия и буржуазия) в опасности!»

Вот к чему сводится эта так называемая политическая свобода.

Свобода печати, свобода собраний, неприкосновенность жилищ и все остальные права признаются только до тех пор, пока народ не пользуется ими как орудием для борьбы с господствующими классами. Но как только он дерзнет посягнуть на привилегии буржуазии, все эти права выкидываются за борт.

Это вполне естественно. Неотъемлемы лишь те права, которые человек завоевал упорной борьбой и ради которых готов каждую минуту снова взяться за оружие.

Сейчас не секут на улицах Парижа, как это делается и в Одессе, лишь потому, что позволив себе это правительство, народ растерзает своих палачей. Аристократы не прокладывают себе пути ударами, щедро раздаваемыми лакеями, лишь потому, что лакеи самодура, позволившего себе что-либо подобное, будут убиты на месте. Известное равенство существует сейчас на улицах и в общественных местах между рабочим и хозяином, потому что, благодаря предыдущим революциям, чувство собственного достоинства рабочего не позволит ему снести обиды со стороны хозяина. Писанные же законы тут ни при чем.

В современном обществе, разделенном на рабов и хозяев, не может существовать настоящей свободы; о ней не может быть и речи, пока будут эксплуататоры и эксплуатируемые, правители и подданные. Но из этого не следует, что до того дня, когда анархическая революция уничтожит все социальные различия, мы согласны, чтоб печать была порабощена, как в Германии, свобода собраний преследуема, как в России, неприкосновенность личности пренебрегалась, как в Турции.

Какими бы рабами капитала мы ни были, мы хотим печатать все, что найдем нужным, собираться и организоваться по своей воле, и все это, главным образом, для того, чтоб как можно скорее свергнуть постыдное иго капитала.

Но пора понять, что не у конституционного правительства мы должны просить помощи. Не в кодексе законов, который может быть уничтожен по первому капризу правителей, мы должны искать защиты своих естественных прав. Только когда мы станем организованной силой, способной и пушить ува-

жение к своим требованиям, мы сумеем постоять за свои права.

Захотим ли мы свободы печати, свободы слова, собраний, союзов — мы не должны просить их у парламента, не должны ждать от сената, как милостыни, издания соответствующего закона. Станем организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права; будем сильны, и никто по посмеет тогда запретить нам говорить, писать и собираться. В тот день, когда мы сумеем вселить единодушие в среду эксплуатируемых, в эту молчаливую, но грозную армию, объединенную одним желанием — приобрести и защищать свои права, никто не дерзнет оспаривать их у нас. Тогда и только тогда мы завоюем себе эти права, которые мы тщетно бы просили десятки лет у какого бы ни было конституционного правительства; тогда они будут принадлежать нам вернее, чем если бы их гарантировали писанные законы.

Прав не дают, их берут!